

12 4 АПР 1982

НАКАНУНЕ сидела до закрытия в публичной библиотеке. Читала «Пастуха и пастушку» Виктора Астафьева. Завтра предстояла встреча с героями повести на сцене. И теперь, вновь и вновь погружаясь в трагическую астафьевскую прозу, соединившую кромешный ад войны с чистым, пронзительным светом высокой любви, думала об одном: как можно (и можно ли?) показать все это в театре? В кино — еще да. Вот Игорь Таланкин только что перенес на экран «Звездопад» — тоже повесть Астафьева о войне и любви... Но «Пастух и пастушка» на сцене, да еще на малой, где все рядом, где артисты и зрители — глаза в глаза...

Сценический вариант повести Виктора Астафьева сделал руководитель народного драматического театра челябинских тракторозаводцев «Зеркало» Александр Андреевич Мишутин. Спектакль под названием «Ноктюрн 43-го года» был поставлен им поначалу на большой сцене заводского театра, а вот теперь в связи с капитальной реконструкцией театрального здания заново переосмыслен и перенесен во Дворец культуры, в одну из учебных комнат.

Мой зрительский опыт знакомства с малыми сценами очень невелик. Собственно, его почти нет. Лишь лет десять назад смотрела в Москве, в театре имени М. Н. Ермоловой, «Грамматику любви» — спектакль, созданный народным артистом СССР Иваном Соловьевым по рассказам И. А. Бунина. Сцены не было, а были стоявшие близко-близко от нас стулья. Они превращались то в тарантас, громыхавший по осенней колее, то в лодку на задумчивом вечернем пруду. Условность не мешала: прозрачная проза Бунина жила, волновала, будоражила душу...

Но бунинские герои любили, страдали, говорили о бесцельно прожитой жизни в обстановке камерной. А как можно в четырех стенах комнаты изобразить вставшую дыбом израненную землю, грозное небо, в котором часто и нервно вспыхивают ракеты? Как

ней было восприятие этих людей.

В большой комнате, убранной черно-красной материей (художник Егор Четверкин), был приглушен свет. Вполголоса звучали песни о войне, исполняемые любимыми певцами. Публика рассказывалась

актерской пластики, звуковых эффектов, зрители, судя по чуткой реакции, чувствовали себя свидетелями не условного, театрального действия, а настоящего жестокого боя.

А потом, после сражения, настала призрачная тишина, и мы встретились с героями за

героев — Бориса и Люси... Их играли Юрий Коршунов и Вера Ильина. Война все время напоминала, что она рядом, и актерам предстояло убедительно показать не только взлет высочайшей любви, первой и единственной, но и постоянную, неуходящую тревогу. Юрия

И ЖИЗНЬ, И СЛЕЗЫ, И ЛЮБОВЬ!

Повесть Виктора Астафьева в театре тракторозаводцев

представить, что «оголодавшие, деморализованные окружением и стужей немцы лезли вперед безумно и слепо»? Как убедить зрителей, что «все перемешалось в ночи: рев, стрельба, матюки, крик раненых, дрожь земли, мерзлые, с визгом откаты пушек...»? А без всего этого и многого другого нет «современной пасторали» Виктора Астафьева, нет страстного, полного боли протеста против античеловечности войны, против истребления жизни и любви.

Уже позже я узнала, что сомнения в возможности успешного перенесения «Пастуха и пастушки» на сцену выражал в своем ответном письме тракторозаводцам Виктор Петрович Астафьев... Но они все-таки попытались...

Спектакль, на который я попала, игрался апрельским воссоединением и посвящался предстоящему Дню Победы. На него были приглашены избиратели с ближайших к дворцу участков. Люди собрались разные. Были и пожилые, знавшие войну, пришедшие с домочадцами и ребятишками. Словом, публика, по первому взгляду, не искусленная в театральных делах. Тем интерес-

тихо, словно опасаясь потревожить песню. Под потолком черными птицами распластались грозные облака. Перед глазами был помост, у которого лежали солдатские каски. А справа — закопченная печь, длинный стол, сработанный деревенским плотником, лавки... Словом, изба.

Две женщины (Марина Бакановская и Алина Черникова) поднялись с места и, совсем не претендуя на эффектное актерское чтение, стали просто вполголоса рассказывать, что произошло в тот студеный день 43-го года, когда вступил в тяжелый бой взвод под командованием девятнадцатилетнего лейтенанта Бориса Костяева.

И возник перед нами тот бой, и мы узнали Бориса в тяжелейший для него час. И тех, кто бился с ним рядом. Старшину Мохнакова, солдат Пафнутьева и Карышева, совсем юного Шкалика и много повидавшего Ланцова. В неверном свете артиллерийских разрывов возникали белые, похожие на приведения фигуры в масках-лапах, беспощадной громадой нависали на солдат танки...

И хоть все это достигалось с помощью театральной техники,

скромным солдатским застольем. В избе хозяйничала молодая женщина по имени Люся, непонятно как заброшенная войной в эти края.

Сцена в избе — большая удача и режиссера, и исполнителей. Здесь все правда... Усталые солдаты, словно сошедшие с кадров фронтовой кинохроники, их разговоры, шутки, тоска по дому, песни, затянутая Карышевым с Пафнутьевым... Поразительно достоверны Карышев (инженер Александр Ермилин), Пафнутьев (Александр Орлов), юный Шкалик, озянувший не столько от самогонки, сколько от еды и тепла в избе (его играет фельдшер Александр Дубов)... Роль Ланцова — пожилого солдата из интеллигентов — удача инженера-технолога Ивана Порфирьевича Бурмистрова, отдавшего три десятилетия любительской сцене. А вот старшина Мохнаков сыгран Александром Мишутиным, как мне показалось, в излишне сдержанной, приглушенной манере. В повести это характер более сложный, сочетающий дьявольское бесстрашие с душой выжженной, искалеченной войной...

Но самое трудное в спектакле пришлось на долю главных

Коршунова я приняла сразу, он уже в сцене боя показался мне близким герою Астафьева. Люся виделась другой... Но в ходе спектакля все больше крепла вера в силу любви героев, в трагическую необходимость разлуки, которую один из них так и не сумел перенести.

Впечатляюще решен финал спектакля — смерть Бориса и приход Люси к солдатской пирамидке, затерянной где-то посреди России. И, казалось, скорбное солнце катится по степи и загорается в черном небе заря.

Прошли дни, а спектакль рабочих-артистов не уходит из памяти. Думаю, что успех этой неоднозначной работы не только в восторге писательскому голосу, а и в том волнении, с которым играют исполнители и которое не может не передаться нам, зрителям.

Сейчас театр тракторозаводцев под руководством Александра Мишутина готовит новый спектакль. Он обратился к пьесе Людмилы Петрушевской «Уроки музыки». Премьеру намечено показать в мае. Успеха в исканиях ваших!

Лия ВАЙНШТЕЙН